

После того памятного разговора с предком Абраксас Малфой словно прирос к семейному поместью. Сам он заявлял во всеуслышание: раз уж у сына появился столь очаровательный личный домовик, как Добби, то главе семейства уступать никак не пристало. В итоге все последние годы Абраксас, едва выдавалась свободная минута, принимался с гиканьем гоняться за Бетой по всему замку. Дошло до того, что у несчастной эльфийки выработался стойкий рефлекс: едва заведя отблеск платиновых волос, она на автопилоте швыряла в преследователя Петрификус Тоталус и бросалась наутёк.

Добби, который за это время превратился в кругленького, забавного карапуза, каждый раз лишь тяжело вздыхал при виде этой картины. Сам он, даже когда подчинил контроль над собственным телом на девяносто восемь процентов, всё ещё чувствовал внутренний разлад, если приходилось перечить хозяевам. Стены лбом он больше не расшибал, но осадок оставался. А вот Бета, казалось, подобными глупостями вообще не страдала. Ей было глубоко плевать на внутренние запреты эльфийской магии. Права она или виновата, Бета без малейших угрызений совести швыряла заклятия в благородных господ, после чего с прежним рвением возвращалась к прерванным делам.

Именно благодаря воинственности матушки Добби частенько удавалось вырываться из удушающих объятий Люциуса, который с каждым годом становился всё хитрее и настырнее. Стоило Добби вспомнить об этом, как у него наворачивались слёзы — последние годы его жизнь напоминала сущий ад, хоть и весьма своеобразный. Дело в том, что после памятного превращения его тело наотрез отказалось расти. Он так и остался крошечным карапузом ростом от горшка два вершка.

Отец и сын Малфои, души не чаявшие в своём «живом талисмানে», не на шутку встревожились. Малыш Добби был невыразимо мил, но полное отсутствие роста выглядело пугающе. В панике они в очередной раз растревожили портрет великого предка и лишь тогда узнали истину. Оказалось, что чистокровные древние фейри сохраняют детский облик вплоть до полного взросления! В ипостаси домовика это было незаметно, но в истинной форме проявилось во всей красе. У древних фейри существовало три жизненных цикла: период младенчества, период зрелости и старость. Взрослые особи и старики внешне почти не отличались — разве что цветом волос. А вот детство стояло особняком: на его исходе юному фейри предстояло пережить ещё одно, финальное преобразование, чтобы обрести взрослый облик. Поскольку Добби изменился, будучи ещё совсем незрелым, его взросление затянулось.

Эта новость вызвала у малфоевских павлинов бурю восторга и облегчения. Во-первых, они могли тискать этого живого ангелочка ещё не одно десятилетие. Во-вторых, оставалось лишь радоваться, что трансформация Добби произошла вовремя, до наступления зрелости, иначе он бы лишился этого шанса.

Договорив, злопамятный старик на портрете бросил косой взгляд на стоявшую в стороне Бету и ледяным тоном обронил фразу, заставившую её помрачнеть, после чего преспокойно отправился спать. Впрочем, переживала она зря: её собственный период детства благополучно завершился ещё в бытность обычной домовихой, так что повторные метаморфозы ей не грозили.

Впрочем, Бете всё равно не поздоровилось. Обеспокоенная судьбой сына, она потеряла бдительность и была поймана своим бесцеремонным хозяином, который без лишних разговоров засунул её в магический круг восстановления. Бета, которая уже давно неосознанно подчинила себе собственное тело, под принудительным воздействием чар преобразилась. Из вспышки света явилась роскошная, пышнотелая женщина с огненно-рыжими волосами и алыми глазами — настоящая королева, от одного взгляда которой перехватывало дыхание.

Глядя на неё, юный Люциус наконец осознал, в кого Добби уродился таким очаровательным. Против генетики не попрёшь! А вот у Абраксаса глаза прямо-таки на лоб полезли. Стоило этому самовлюблённому пижону представить, что отныне повсюду за ним будет следовать столь ослепительная спутница, как на его лице расплылась мечтательная улыбка. Какой престиж! Какая роскошь! Разумеется, восторгов у него значительно поубавилось бы, если бы эта пламенная воительница не пинала его и не осыпала затрещинами при каждом удобном случае.

Тем не менее по совету Люциуса Абраксас решил пока держать преображение Беты и Добби в строжайшем секрете. Сила, которую обрели мать и сын, оказалась слишком велика. Даже чистокровные волшебники не могли с уверенностью сказать, превзойдут ли они этих существ в магической дуэли. Появление столь прекрасных и могущественных созданий в магическом сообществе могло вызвать непредсказуемые и опасные последствия.

К вящему разочарованию Абраксаса, облегчению Беты с Добби и полнейшему равнодушию Люциуса, в поместье потянулись дни упорных тренировок. Процесс этот был одновременно весёлым и мучительным: новоявленным фейри требовалось время, чтобы совладать с запредельной мощью, внезапно проснувшейся в их телах.

Остальные домашние эльфы в поместье даже не догадывались о метаморфозах Беты и Добби. Для домовиков, привыкших к своей доле, подобное чудо показалось бы чем-то запредельным и противоестественным. Да и к чему им знать? Без врождённой связи или особого родового контракта, пробуждающего древнюю кровь предков, у обычных слуг не было ни единого шанса на спасение. Им суждено оставаться рабами до конца своих дней. Если, конечно, в их мир не нагрянет ещё одна свободная душа из другой вселенной.

Время летело незаметно. Так минуло четыре года.

Сегодня Люциусу Малфою исполнилось одиннадцать лет. Юный наследник сидел в кресле, бережно прижимая к себе Добби, который увлечённо уплетал очередное лакомство, и задумчиво смотрел в окно. Каким бы благородным ни было происхождение мага, Хогвартс оставался заветной мечтой для каждого из них.

Абраксас с глубоким унынием созерцал чашку с ледяным варевом. Голова у него раскалывалась.

— Послушай, Бета, — вздохнул он, страдальчески морщась. — Раз уж вернуть всё назад невозможно, стоит ли так злиться? Прошло два года! Любая обида за такое время должна была

испариться.

С тех пор как эльфийка обрела человеческий облик, жизнь её хозяина превратилась в череду изысканных издевательств. Всё, к чему прикладывала руку Бета, приобретало крайне причудливые свойства. Ярким примером служил стоящий перед Абраксасом кофе — ледяной и почему-то щедро сдобренный грибным соусом. Он искренне не понимал причин её упрямства, напрочь забывая, что злопамятность — это исконно малфоевская черта, которую его служанка, видимо, успела перенять в избытке. Красавица под боком — это, конечно, великолепно, но терпеть подобные капризы изо дня в день становилось невыносимо. Не связывай их долгие годы преданной службы, Абраксас уже давно одарил бы упрямыцу Пыточным заклятием.

Люциус оторвался от созерцания пейзажа, услышав упаднический голос отца. Он взял со стола клубничное пирожное и принялся скармливать его пригревшемуся на коленях Добби, сдерживая смехок. Подобные сцены разыгрывались в поместье по семь-восемь раз на дню. Юный наследник давно подметил: после трансформации контракт между отцом и Бетой приобрёл весьма любопытный характер. Магия по-прежнему запрещала ей причинять прямой вред хозяину, но во всём остальном у неё были полностью развязаны руки. Прежде покладистая служанка теперь откровенно ни во что не ставила главу семейства, отыгрываясь за все годы рабства.

Огненно-рыжая Бета лишь презрительно усмехнулась. Раньше подобная гримаса на сморщенной мордашке домовика вызвала бы у хозяев лишь раздражение, но теперь, на прекрасном женском лице, это выглядело утончённо и маняще. Она произнесла певучим, но сочащимся ядом голосом:

— Мой глубокоуважаемый господин, я всего лишь приготовила кофе в точном соответствии с вашими указаниями. Я беспрекословно повинуюсь вашей воле, а то, что результат оставляет желать лучшего... Что ж, могу лишь констатировать, что у вас весьма специфический вкус.

Договорив, она величественной походкой подошла к Люциусу, бесцеремонно выудила Добби из его объятий и, проигнорировав тоскливый взгляд мальчика, неспешно удалилась в угол гостиной.

"Мой сын, — сердито думала Бета, прижимая к себе кроху, — и тискать его буду я. Нечего потакать этим избалованным аристократам. И плевать, если они считают нас уродцами, нам и вдвоём отлично".

Люциус со вздохом проводил их взглядом. Поделаться с этим он ничего не мог. Пусть Добби и принадлежал ему по контракту, но против материнских прав не попрёшь. Горький опыт последних лет наглядно доказал: спорить с нынешней Бетой — себе дороже. Пример раз за разом капитулирующего отца стоял перед глазами. Да и сам Добби в присутствии матери заметно расслаблялся, предпочитая её общество навязчивой заботе своего юного хозяина.

Мальчик мысленно усмехнулся. Перспектива скорого отъезда в школу прельщала его всё сильнее. Там, вдали от поместья, они с Добби наконец-то останутся наедине. Конечно,

появление такого фамильяра неизбежно привлечёт ненужное внимание и создаст кучу проблем, но возможность засыпать в обнимку с тёплым, живым «плюшевым мишкой» искупала любые неудобства. Это было куда лучше, чем завистливо наблюдать, как твой любимец нежится в чужих руках.

— Отец, — Люциус заставил себя отвернуться от Беты и перевёл взгляд на родителя, решив хоть как-то разогнать скуку, — ты уверен, что письмо из Хогwartса придёт именно сегодня? Уже полдень. Насколько мне известно, совы прилетают на рассвете. Ты случайно не забыл отключить защитный купол над поместьем?

Абраксас отставил злополучную чашку и возмущённо фыркнул:

— За кого ты принимаешь собственного отца? Чтобы я забыл про защитный контур поместья...

Договорить он не успел. На полуслове лицо главы рода Малфой причудливо перекошилось. Кажется, где-то в глубине души шевельнулось неприятное подозрение: а ведь он действительно забыл убрать барьер.

— И? Что там с защитным контуром? — прищурился Люциус.

Несмотря на то что за последние годы он заметно вытянулся, на его щеках всё ещё оставался очаровательный детский румянец. Мальчик демонстративно закатил глаза. Внутреннее чутьё его не обмануло — отец превзошёл сам себя.

Абраксас смущённо кашлянул и щёлкнул пальцами, снимая купол. В ту же секунду в окно ввалилась взъерошенная, полуобщипанная сова. Птица покачивалась из стороны в сторону и выглядела так, словно совершила аварийную посадку после трёхдневного шторма. Хозяин поместья поспешно отвёл взгляд от несчастного почтальона.

"Я не виноват, — мысленно оправдывался он. — Это всё из-за Беты! Если бы она не изводила меня своими экспериментами, я бы ни за что не забыл про барьер!"

Абраксас уныло вздохнул. Почему судьба так жестока к нему? Пожалуй, стоило бы отправиться в кругосветное путешествие, сменить обстановку, иначе он просто сойдёт с ума. Впрочем, учитывая его легендарное везение, в дороге он наверняка подхватил бы какую-нибудь экзотическую заразу вроде драконьей оспы. Так что от поездок пока стоило воздержаться.

Люциус предпочёл смолчать. Кожа у его отца была толще крепостной стены, и тот уже успел вернуть себе самый невозмутимый вид. Юноша брезгливо взял в руки конверт. Запах старого пергамента оказался настолько отвратительным, что Люциусу стоило огромных усилий не сморщиться. Уважение к вековым традициям — вещь хорошая, но зачем присылать письма, пахнущие мышиным помётом и вековой сыростью?

Однако по мере чтения лицо мальчика становилось всё мрачнее. В конце концов он не выдержал, взмахом палочки испепелил пергамент и тут же набросал лаконичный ответ. Нацепив записку на лапу едва живой совы, он выставил её за окно. Затем Люциус медленно повернулся к отцу. Он смотрел с яростью.

— Ты сделал это нарочно?! — процедил он сквозь зубы.

Абраксас промолчал. Вместо ответа он ленивым жестом левитировал со стола черничный кекс и с наслаждением откусил кусочек.

"Какое блаженство... Наконец-то нормальный вкус!" — зажмурился он.

С тех пор как Бета «освободилась», о нормальных десертах пришлось забыть. К приготовлению основного меню её, слава Мерлину, не допускали, но кондитерское дело она прибрала к рукам полностью. Эта женщина устроила ему круглосуточную «опеку». Даже когда он пытался сбежать с помощью Возвращателя времени, Бета каким-то чудом умудрялась выслеживать его. Будучи неисправимым сладкоежкой, последние два года Абраксас выживал лишь благодаря тайным поставкам от собственного сына. Мужчина сокрушённо вздохнул. Все знают, что женщины невероятно злопамятны, но кто же мог подумать, что бывшие домашние эльфы перейдут в этом вопросе все границы? Ради куска нормального пирога ему приходилось соглашаться на самые унижительные компромиссы.

Конечно, он мог бы воровать сладости из буфета тайком, но его собственный наследник оказался тем ещё интриганом. Стоило Абраксасу в прошлый раз пойти на дело, как этот неблагодарный мальчишка тут же заложил его фамильным портретам. Те предки, которым при жизни делать было совершенно нечего, кроме как спать да судачить, устроили несчастному главе семейства такую головомойку, что он едва не лишился рассудка.

Люциус заскрежетал зубами, глядя на то, как отец безмятежно уминает его кекс. Ну что за невыносимый человек! Ни капли родительского достоинства!

— Я разговариваю с тобой, дорогой отец! — отчеканил Люциус, стараясь сдерживать гнев. — Повторяю вопрос: ты сделал это нарочно?!

Абраксас проглотил последний кусок кекса, запил его остатками кофе и снисходительно взглянул на кипящего от ярости сына. Подтянув к себе ещё одно пирожное, он развалился в кресле и покровительственным тоном произнёс:

— Мой дорогой мальчик, волшебники свято чтут древние традиции. И тебе, как будущему главе рода, тоже следует проявлять к ним уважение. Разве я не прав?

Договорив, он потерял к сыну всякий интерес и вернулся к уничтожению сладостей. В конце концов, этот несносный мальчишка со дня на день уедет в Хогвартс, так что его угрозы больше не имели веса.

"Пусть уезжает, — злорадно размышлял Абраксас, отправляя в рот очередную порцию крема. — Стоит ему переступить порог школы, и я тут же сбегу из поместья под каким-нибудь благовидным предлогом. А Бета со своими кулинарными пытками пусть катится к чертям!"

Люциус притих, переваривая слова отца. Так вот она какая — пресловутая «магическая придурковатость», о которой ему так часто рассказывал Добби. В этот миг мальчик поймал себя на неожиданной мысли: он вдруг безумно захотел, чтобы у него поскорее родился собственный сын. Уж он-то позаботится о том, чтобы наследник сполна прочувствовал всю прелесть подобных издёвок!

"Проклятый Мерлин, чтоб тебя черти драли в твоей могиле, — сердито выругался про себя Люциус. — Ну и шуточки у тебя".

<http://bllate.org/book/18185/1759669>